

Оглавление

Глава 1	7
Я обещаю	7
Глава 2	15
Я имел право знать	15
Глава 3	23
Нужен выход	23
Глава 4	32
Это наш шанс!	32
Глава 5	41
Я потерялся, мам	41
Глава 6	49
В поисках потерянного счастья	49
Глава 7	55
Частичка моего американского сердца	55
Глава 8	64
Я должна тебе рассказать	64
Глава 9	76
Ну, привет	76
Глава 10	84
Один страх на двоих	84
Глава 11	93
Одинокий волк	93
Глава 12	102
Второй шанс?	102
Глава 13	110
Рана совести	110

Глава 14	118
И так красивая	118
Глава 15	126
Чудовище вернулось	126
Глава 16	134
Сколько масок ты носишь?	134
Глава 17	141
Я доверяю только морю	141
Глава 18	151
Убийственная ревность	151
Глава 19	161
Светло-розовые пионы	161
Глава 20	170
Пужинаем?	170
Глава 21	180
Новый фаворит	180
Глава 22	188
Он просто был зол	188
Глава 23	195
Спасай меня!	195
Глава 24	202
Ненавижу себя	202
Глава 25	208
Буду рядом	208
Глава 26	217
Я — часть этой истории	217
Глава 27	224
Мышка или все-таки нет?	224
Глава 28	232
«Текнон»	232
Глава 29	243
Сердце Барселоны	243
Глава 30	256
Почти ошибка	256
Глава 31	265
Он бы гордился тобой	265
Глава 32	271
Жди здесь	271
Глава 33	274
Мама, ты здесь?	274
Глава 34	279
Что происходит, Трес?	279

Глава 35	286
Беги от него	286
Глава 36	297
Искры ревности.....	297
Глава 37	315
Банкет	315
Глава 38	331
Выходной в кармане.....	331
Глава 39	338
Я теряю голову.....	338
Глава 40	348
Малышка Анна.....	348
Глава 41	358
Один. Два. Три.....	358
Глава 42	361
Feliz cumpleaños!.....	361
Глава 43	369
Я сам.....	369
Глава 44	381
Амадис Кабальеро	381
Глава 45	395
Удар	395
Глава 46	408
Легенда о звездах	408
Глава 47	416
Мама.....	416
Глава 48	426
Родители тоже совершают ошибки.....	426
Глава 49	432
Он вернулся	432
Глава 50	440
Мама, я нашел ее.....	440
Глава 51.....	446
Миг	446
Глава 52	458
Рождество в сентябре.....	458
Эпилог	468
Благодарности	475

*Посвящается всем, кто не дал мне
бросить эту историю.
Добро творит удивительные вещи.*

Глава 1

Робецаю

*В жизни каждого человека бывают минуты,
когда для него как будто бы рушится мир.
Это называется отчаянием. Душа в этот час полна
падающих звезд.*

Виктор Гюго

США, Атланта

Трестен Райд

Злость, подобно искрящейся лаве, разливается по венам. Хочу разорвать висящую в центре ринга грушу. Словно загнанный зверь, я мечусь на маленьком отрезке пространства в поисках жертвы. Вот только жертва живет не вне, а внутри меня самого. Пожирает все светлое и заполняет пустоты тьмой.

Ощущаю боль в костяшках и плечах, но не перестаю двигаться. В который раз отчаянно бью правой рукой набитый опилками кусок красной кожи.

Удар.

Еще один.

Разгоняюсь до такой скорости, что груша задевает границы ринга. Эти попытки избавиться от гнетущего чувства в груди тщетны. Мышцы сводит от усталости, но я пересиливаю себя и двигаюсь резче, будто выталкивая из легких всю боль этими нагрузками.

Пот застилает глаза. И когда в них темнеет, я решаю, что на сегодня хватит. Хватаюсь за веревку в углу и почти на ощупь нахожу выход с ринга.

— Эй, Райд! — Бакстер окликает меня. Не оборачиваясь, я продолжаю идти вперед, гадая, чего он хочет. — Ты уже месяц как сам не свой. Кто тебя так разозлил?

Я позволяю усмешке сорваться с губ. Останавливаюсь у кожаного кресла, хватаю футболку и вытираю ею пот со лба. Я действительно зачастил на ринг, но это не Бакстера собачье дело.

— Ты не пропускаешь ни дня тренировок. — Он подходит ближе. — Что стряслось?

Мечтаю о том, чтобы закончить этот разговор и принять душ. Горю желанием огрызнуться, но сдерживаюсь. Бакстер тут ни при чем. Мне просто стоит охладиться. Я не собираюсь задевать его, поэтому выдыхаю глубже, собираю всю волю в кулак и глухо произношу:

— Набираю форму.

— Ты возвращаешься в бои? — недоумевает он.

С недавних пор я перестал принимать участие в боях, и об этом знали все. Мое решение было непоколебимым, и никто даже не посмел спрашивать об истинной причине. Ее знал только я.

Заклучалась она в Кайле. Брат не поддерживал эту затею с боями и постоянно меня отговаривал. Я дал ему слово, что не сломаю ни одного парня ни за какие деньги.

Бакстер, конечно, не знает о моей жизни ровным счетом ничего, поэтому сейчас так активно спрашивает. За непомерное любопытство его когда-нибудь хорошенько раскрасят.

— Никаких боев, — я мотаю головой, — это не спортивный интерес. Скоро я улечу из страны, вот и привожу мышцы в тонус перед отлетом.

Нагло вру, не желая выставлять себя жертвой. Я никогда не позволял и не позволю себе дать слабину.

— А куда летишь, если не секрет? — продолжает выпытывать он, хватая с полки бойцовские перчатки.

— Еще не решил.

— Ну, все равно удачи. — Он протягивает ладонь для рукопожатия.

— Я ухожу. У тебя есть шанс показать Адаму, на что ты способен.

Пожав руку Бакстеру, я двигаюсь к выходу. Адам тренирует тут ребят уже почти сорок лет. Раньше он намеревался вытащить меня в ряды первых и сделать титулованным боксером. Только я предпочитал дубасить груши для утоления боли, а не ради славы. И слова Кайла теперь окончательно подтверждают мой выбор.

Кайл. Только он мог мной командовать.

Как сейчас помню его любопытный взгляд, неравномерно вздымающуюся грудь и шепот, до сих пор громко звучащий в моей голове.

* * *

— Трестен, ты всегда будешь рядом со мной, правда?

От нервов в горле встал ком. Я лишь кивнул: стфах не позволял говорить. В мыслях крутилось осознание того, как мало времени осталось у брата. Еще совсем немного — и он покинет меня с Эмбер.

— Мне десять, а тебе девятнадцать. Ты такой взрослый. Тебе со мной не скучно?

Мне казалось, вибрации его голоса раздавались эхом по всей квартире, но прежде проходили через все мое тело. Я прислушивался к его прерывистым вздохам. Он угасал. Как падающая звезда, как вспышка

старого «Поляроида». Как умиравший мальчик, который никогда не отпразднует одиннадцатый день рождения.

Я еле сдерживал слезы, когда он вновь и вновь жаловался на боли.

— Трес, — брат подал голос, и я вздрогнул, — чего ты молчишь? Скучно?

— Нет, малыш, с тобой не может быть скучно.

Кайл любил смотреть телевизор. Обычно он проводил вечера за «Спанч Бобом» или «Финесом и Фербом». Однако в тот день по новостям показывали уличную драку. Брат вскочил с кровати и указал пальцем в сторону экрана.

— Ты вот так бьешь людей? Я знаю, что ты участвуешь в боях, чтобы принести домой деньги.

— Что?

Я опешил. Кайл для своего возраста был очень смышленным. Я испугался, что он услышал нашу недавнюю ссору с матерью. Когда я пришел побитым, с защитой губой, и положил стопку долларов на стол, мама снова разозлилась. Но у нас не было выбора. Злилась она или нет, ее зарплаты в больнице нам хватало лишь на некоторые лекарства для Кайла. Остальные мы могли купить только благодаря моему заработку. А я зарабатывал как мог.

— Пообещай, что больше никогда не будешь бить людей! — Кайл сузил глаза и заглянул в мои с таким серьезным видом, что я замер. — Пообещай, Трестен! Ты должен пообещать мне, что больше никого не ударишь!

— Я... я... — Мне стало настолько стыдно, словно грязь вдруг покрыла меня с ног до головы. И я не знал, отмоюсь ли от нее когда-нибудь.

В тот момент Кайл резко побледнел и схватился за грудь: приближался приступ. Я взял его крошечные ладони в свои и прижал к себе.

*Он не заслуживал того, что с ним происходило.
— Трес... — Кайл тяжело дышал, — ты обещаешь?
Я кивнул и, крепко зажмурив глаза, уткнулся носом в его макушку.*

— Обещаю.

Кайл беззвучно заплакал от боли, а моя рука потянулась к лекарствам, лежавшим на стеклянном столе.

— Сейчас перестанет болеть. Потерпи, малыш.

* * *

Я выхожу из зала опустошенный: все силы оставлены на ринге. Сегодня была последняя тренировка перед отъездом. Неизвестно, когда я вновь вернусь в зал к Адаму. Может, через три месяца или полгода, а может, не вернусь вовсе.

В нос ударяет аромат китайской лапши из забега-ловки на углу Хадсон-драйв. Желудок сводит от голода. Ел я в последний раз около шести часов назад. Лапша с курицей и овощами явно не будет лишней этим вечером. Возьму две порции, для себя и мамы. Черт! Осекаюсь и непроизвольно сжимаю кулаки. Мамы? Скорее, мне стоит называть ее Эмбер. Я даже не знаю, как к ней теперь обращаться. Мое отношение к маме не изменилось, но новые реалии выросли между нами высокой бетонной стеной.

— Ваш заказ, сэр. Спасибо за ожидание.

Молодой темноволосый парень азиатской внешности обращается ко мне спустя двадцать минут ожидания. Ненавижу пятницы. Здесь постоянно очереди из-за напитков навывнос за полцены. Люди любят халаву.

— Спасибо.

Я хватаю бумажный пакет с едой из рук кассира. Аромат сводит с ума. Чувствую болезненные спазмы

в животе. Выбираюсь на улицу и бросаю короткий взгляд на наручные часы. Девять вечера. Заметно стемнело, пока я ждал заказ. Май в Атланте всегда влажный, и за пять минут пешей прогулки майка промокла от пота.

В последний месяц я так часто проводил время вне дома. Все эти дни я как трус сбегал. Сбегал, чтобы не сталкиваться с мамой взглядом, не видеть в нем чувство вины и чтобы взвесить все «за» и «против». Мне нужно было принять решение, что делать дальше.

Утрата, которую мы понесли с мамой, раздавалась внутри протяжным звоном, не дающим слышать ничего вокруг, кроме собственных стонов боли и мольбы об успокоении. Она оседала на языке прикусом горечи. И усилия пережить эту потерю вопреки всему будто приводили нас к еще большему отчаянию. Мы лишились самого дорогого, это и не могло ощущаться по-другому.

Поначалу мы много говорили о Кайле. Каждый из нас мысленно корил себя за то, что не уберег его. И в то же время стыдился облегчения от того, что его собственные страдания подошли к концу. Ведь видеть, как тот, кого ты любишь, постепенно угасает, — невыносимые мучения даже для сильного человека.

Потом мы перестали говорить. Почти совсем. Мама рассказала еще кое-что, после чего между нами повисла завеса молчания. И боль стала в разы сильнее. Она обвилась вокруг шеи колючей удушающей проволокой и ждет своего часа. Ждет момента, чтобы затянуться.

За мрачными мыслями я совсем не замечаю, как оказываюсь у дома. В квартире свет горит только в окне гостиной. Интересно, чем занята мама. Вероятно, читает в кресле или... снова плачет, рассматривая детские фотографии Кайла. Вздрагиваю,

но продолжаю подниматься по лестнице. Я пытаюсь найти в себе силы войти домой как раньше — обнять встречающую на пороге маму и пригласить ее на кухню, чтобы поужинать вместе. Но стена между нами не хочет ломаться. Хотя кому я вру? Я даже пальцем боюсь ее коснуться, не то что рушить.

Поворачиваю в замке ключ и открываю дверь. Прислушиваюсь к тишине, воцарившейся в квартире. Плача мамы не слышно, и это немного успокаивает. Что она делает?

Я вхожу, оставляя спортивную сумку с формой в коридоре. Желудок сводит в сотый раз. Но я уже не уверен, только ли от голода.

— М-м-мам?

На кухне я ставлю пакет с едой на стол и сразу прохожу в гостиную. Как только вижу маму, сердечный ритм приходит в норму. Она лежит в кресле: ее белые крашенные волосы рассыпались по подлокотнику, одной рукой она подпирает щеку, а второй держит раскрытую книгу.

Я делаю шаг назад, но мама, кажется, все равно замечает мое присутствие. Она приоткрывает глаза и зевает.

— Трес? Ты уже дома. — Мама оглядывается, словно в поисках чего-то. — А который час?

— Почти десять.

— Ничего себе, — она снова зевает, — я проспала три часа. Ох! Ужин! Я хотела приготовить индейку к твоему приходу.

Мама с трудом приподнимается с кресла.

— Так, ты сядь отдохни, а я пока пойду приготовлю еду, — говорит она, но я не двигаюсь с места.

— Нет, — отвечаю, — я уже купил нам лапшу. Не нужно ничего готовить.

Мама бросает на меня полный сожаления взгляд, и я не выдерживаю. Не выдерживаю притворства,

словно жизнь не изменилась, словно каждый день мы не прячемся за масками и не пытаемся казаться счастливыми.

— Тебе стоит перекусить и лечь отдыхать, м-ма... — Я осекаюсь, набирая воздуха в легкие. — Еда на столе. Я в душ.

Мама не двигается. Мелкие покальвания проносятся по телу. Надеюсь, что не обидел ее. Этого я точно не хотел. Разворачиваюсь, выхожу из комнаты и вдруг слышу, как сзади раздается тихий голос.

— Сынок...

Но я уже не слышу. Не хочу слышать.

Холодный душ не остужает пыл. Поворачиваю ржавый кран до упора. Как бы я хотел, чтобы мама вернулась на работу. Это помогло бы ей выйти из транса.

Несколько дней назад звонила Карен, близкая подруга и коллега мамы из гинекологического отделения, интересовалась нашим состоянием. Она настаивала на мамином возвращении и просила меня поговорить с ней, но я не решился. Снова струсил, боясь причинить еще больший вред. Казалось, мама все еще не была готова вернуться в привычную жизнь, как бы ни скрывала за притворством обратное.

Я подожду еще. А потом состоится серьезный разговор, который отрезвит нас обоих. Он должен расставить все по местам.

Глава 2

Я имел право знать

Трестен Райд

Спустя 3 недели

С тех пор как бои для меня закончились, я устроился подрабатывать официантом, чтобы мы не сводили концы с концами. Каждый день теперь проходит одинаково: днем и вечером я работаю в кафе, барах и клубах, а в свободные минуты скитаюсь по городу. Колледж все также остается закрытой темой. Пока большинство моих знакомых делится постами об учебе в социальных сетях, я едва успеваю открыть хотя бы один учебник. Впрочем, как и в предыдущие годы. Пока Кайл болел, я не позволял себе отвлекаться на учебу, не думал об образовании, то было непозволительной роскошью. Я отчаянно пытался наскрести денег на лекарства для Кайла. И на экзамены, специальности, колледж было плевать.

Но мечта вылечить брата так и не сбылась. А разочарование в жизни, как наводнение, затопило мысли

о поступлении. Затем прошло много мрачных дней. И вот, похоже, наконец просвет?..

Это утро даже ощущается по-другому. Слышны скрип двери, звуки шагов. Тишина больше не разъедает каждый сантиметр дома.

Аромат в квартире божественный — пахнет яичницей с беконом. И я грустно ухмыляюсь. Эта еда особенная — ее обожал Кайл. Мама готовит любимое блюдо брата впервые с тех пор, как его не стало.

На кухне никого. На столе одна тарелка с аппетитной яичницей и чашка кофе с двумя кубиками сахара рядом. Все как я люблю. Сажусь на стул и гляжу в окно, где яркими красками сияет рассвет. Небо окрашивается в багряный цвет.

Теплые руки мамы невесомо касаются моих плеч. Она осторожно целует в щеку. Прижимает к себе как родного сына. И я злюсь, потому что не родной. Все девятнадцать лет это было неправдой. Эти объятия не к месту.

— Знаю, о чем ты думаешь, — тихо произносит мама, — но для меня ничего не изменилось, Трестен. Я люблю тебя и все эти годы любила.

«И поэтому скрывала правду?»

— Мне жаль. Ты имел право знать.

Я молчу. Боль не дает произнести ни слова. Вевка скользит вокруг шеи, но голос мамы будто не позволяет узлу затянуться.

— Поговори со мной, пожалуйста, — в ее словах слышится мольба, — послушай, что я хотела сказать все это время.

Мама садится напротив, и синие круги под глазами, опухшее лицо, тысячи морщинок выдают ее переживания. Она словно постарела лет на пять и больше не выглядит здоровой, наполненной жизнью женщиной.

